

Ю. М. ШЕВАРЕНКОВА
(Нижний Новгород)

**«ПРО ЦАРЯ
МНЕ ПАПКА РАССКАЗЫВАЛ,
ОН ЦАРЯ ВИДЕЛ»
(Образ Николая II
в устной народной летописи
Серафимо-Дивеевского монастыря)**

Аннотация. В статье исследуются устные рассказы о Николае II, записанные в южных районах Нижегородской области, а также народная интерпретация этого образа, выразившаяся в народной топонимике, исторических преданиях, религиозных и утопических легендах в контексте изучения исторической памяти местного населения.

Ключевые слова: фольклор, локальная традиция, историческая память, устные рассказы, народная топонимика, фольклорный сюжет, интерпретация.

Личность Николая II не является популярной в русском фольклоре. Конечно, отнести ее к разряду совсем забытых и неактуальных исторических персон в современном обществе нельзя, поскольку канонизация в статусе страстотерпцев расстрелянной царской семьи в 2000 г., выход в этом же году фильма Г. Панфилова «Романовы — венценосная семья», широкое освещение в средствах массовой информации проблемы подлинности останков погибших, реабилитация в 2008 г. расстрелянных членов царской семьи как жертв политических репрессий, грядущие (в 2013 г.) юбилейные мероприятия по поводу четырехсотлетия дома Романовых, проводимые в разных городах России фестивали православной культуры «Царские дни», время от вре-

мени появляющаяся в СМИ информация о якобы уцелевших детях последнего российского императора все же помогают не забыть эту неоднозначную историческую фигуру. Однако думается, что в современной России наберется немного мест, не просто связанных с пребыванием в них Николая II и (или) его семьи, но и получивших собственно фольклорную память об этом, народную интерпретацию его личности.

Уже долгое время наш собирательский и научный интерес прикован к Дивеевскому р-ну Нижегородской обл. и находящемуся в с. Дивеево знаменитому Серафимо-Дивеевскому женскому монастырю, названному ее покровителем Серафимом Саровским «четвертым уделом Богородицы». Являясь в настоящее время местом повышенного внимания православного сообщества, одним из российских центров активного «православного туризма», Дивеево представляет огромный интерес также для исследователей современного религиозного фольклора в различных формах его бытования и религиозного мировоззрения различных социо-культурных групп населения — традиционного крестьянства, «прицерковных людей», «неофитов» в широком смысле этого слова. Объектом нашего внимания является местное крестьянство и соответственно воплотившаяся в слове историческая память местного населения. Представленные здесь устные рассказы, записанные в ходе многолетних экспедиций в Дивеевский р-н Нижегородской обл., являются органичной частью устной истории этого края.

В разнообразном по тематике и героям религиозном фольклоре Дивеевской земли выделяется небольшая по количеству сюжетов и самих рассказов историческая тема, обусловленная приездом царской семьи в Саров и Дивеево 17—

20 июля по ст. ст. 1903 г. Император Николай II с супругой и дочерьми приезжает в Саровский мужской монастырь (Саровскую Пустынь), в эти достаточно глухие места Тамбовской епархии, на прославление мощей Серафима Саровского, а после, по дороге в Арзамас, заезжает и в с. Дивеево. Напомним, что обретение мощей Преподобного и его последующее прославление стали возможны именно при решительном вмешательстве в этот процесс Николая II, который пресек недочерчивое отношение Синода к мощам Серафима Саровского (якобы не сохранившимся в должном, т. е. нетленном, виде) и записям его посмертных чудес (подробно о канонизации святого и обстоятельствах приезда царской семьи в Дивеево и Саров, см.: [Мавлиханова 2003, 61–65]).

Визит царской семьи в здешние края, несмотря на предельно малые сроки, оставил интересный след в местном фольклоре. Конечно, сразу получает народное объяснение причина столь высокого визита — царю (царице) снится сон, в котором Серафим Саровский велит им приехать сюда: «*Он царю явился, да: “Иди! Скрывай!”*. Да он сперва-то, во сне его: “Иди! Скрывай мои мошии”... А он не поехал: “Вроде во сне!”. Он навья-ву явился, явился: “Иди!”. И он ехал, ехал» (Зап. в 2002 г. в д. Лихачи Дивеевского р-на от Антроповой Марии Ивановны, 1927 г. р.). Или: «*А зачем он сюда приезжал?> Вот его вскрывать. Он 100 лет пролежал в земле, и жена его во сне чего-то сбредила, у Николая, у которого — Первый ли. И когда встала, говорит: “Надо нам ехать в Саров на вскрытие, надо вскрыть Преподобного”. Ну, вроде когда его вскрыли, он уж 100 лет пролежал в земле-то, а все нетленный вроде, как только положенный. Вот его и возят с тех пор, много уж годов-то, годов 300, наверно, да-да-да. Уж нашим отцам около двухсот годов доходит...*» (Зап. в 2002 г. в д. Осиновка Дивеевского р-на от Кузнецовой Пелагеи Степановны, 1930 г. р.). Подобный сюжет, который условно можно обозначить как «зов святого», является привычным для устного религиозного фольклора в целом и для фольклора дивеевских переселенцев в частности, переехавших

сюда на постоянное место жительства из разных городов России, следуя зову Серафима или зову самого святого места. Впрочем, народная мотивация приезда царя может и не совпадать с официальной и приобретать вполне практическую, материалистическую окраску: «*Царь-то уж ведь заранее предсказал, что он должен побывать в святых местах, в Сарове, саровских местах. Не столько святые места ему надо было, а полезные ископаемые в то время. Вот в Череватове-то, там раньше был завод металлургический, в трех километрах от Череватова, в Бушуево называется... И там это, плавительную руду плавил...*» (Зап. в 2009 г. в с. Глухово Дивеевского р-на от Юриной Екатерины Ивановны, 1928 г. р.).

Если суммировать все разнообразие устных нарративов о Николае II, то можно увидеть, что память о приезде царя на Дивеевскую землю увековечилась сразу в нескольких «направлениях»: в местной топонимике (1), в нарративах исторического, социально-утопического, авантюрного и религиозного характера (2), а также в культе отдельных местных природных святых (3). Поскольку Николай II не является «коренным» героем местной светской и религиозной истории, то и рассказы биографического или, например, прямого критического характера о Николае II здесь отсутствуют. В центре большинства повествований оказываются личные наблюдения и эмоции по поводу главного и небывалого события — приезда в эти края царя.

В памяти старшего поколения еще сохранились топонимы Царская тропа, Царская дорога (слышали мы и название «Большая дорога»). Этим словосочетанием называют в Дивеевском р-не ныне уже несуществующую дорогу, проложенную здесь специально для высокопоставленного царского кортежа. Прибыв в Нижний Новгород, царь далее отправляется по железной дороге до Арзамаса, а из него конным кортежем по сельской местности в Саровскую пустынь. В книге дивеевского краеведа В. И. Курпушова «Православное Дивеево» есть такие сведения: дабы по максимуму обезопасить высоких гостей и скрыть истинный маршрут следования

царя, было обустроено сразу три дороги от Арзамаса до Сарова и Дивеева. Кортёж проехал по маршруту Арзамас — Ореховец — Глухово — Кременки — Саров. Эта благоустроенная на тот момент дорога с искусственной насыпью, получившая в народе название Царской, впоследствии в хозяйственных и транспортных целях не использовалась и даже частично была распахана крестьянами, так как зачастую проходила через их земельные наделы [Карпушов 2003, 384], здесь же, на с. 30—34, можно найти сведения о маршруте следования царского кортежа, о том, как была обставлена встреча высоких гостей крестьянами на всем пути их следования). Географически с современной схемой автомобильных дорог района эта дорога не совпадает и упоминается исключительно в устных рассказах старшего поколения о том, как по ней царь со свитой ехали в Саров: «Ну, ничего особенного. Она проходила вот через Глухово, дальше через Лихачи, мимо Лихачей, через Павлово, ...там овраг кругом, там мост был построен, и остался там до сих пор, там эта история осталась, каменный мост, и дальше на Кремёнки, и в Саров, вот и вся эта дорога. Особой примечательности в этой дороге не было...» [Там же].

В рассказах коренных жителей старшего поколения, ссылающихся при этом еще на воспоминания своих родителей и бабушек-дедушек, главным, безусловно, становится сам факт всенародной торжественной встречи царя, описываемой в рассказах всегда положительно: «Мне мать рассказывала: ехал он на лошади. Ну вот, кидали и платки, и полотенцы. Только охота было народу поглядеть. Никто не бросался, а все только глядели» (Зап. в 2001 г. в с. Кременки Дивеевского р-на от Самсоновой Пелагеи Григорьевны, 1915 г. р.). Записанные со слов потомков очевидцев приезда царя, эти рассказы, конечно, уже лишены живого, непосредственного, эмоционального впечатления от небывалого в глазах простого человека события, но все же доносят до нас реальные факты, детали того уникального момента.

Из рассказов мы прежде всего узнаём о тщательной подготовке местных жите-

лей к встрече с царем: «Бабушка рассказывала. Когда царь от Ардатова ехал — тогда ведь дороги были плохие, это сейчас асфальтовые — все равно, вся дорога до Дивеева была устлана холстами. Раньше холсты ткали...» (Зап. в 2002 г. в с. Вертьяново Дивеевского р-на от Еськиной Марии Ивановны); «Бабушка рассказывала, как они дорогу к его приезду подметали» (Зап. в 2001 г. в п. Сатис Дивеевского р-на от Кузьмичевой Анастасии Ивановны, 1933 г. р.); «...население не просто добровольно, а обязательно должны были выходить на дорогу в нарядных платьях. Больше цвета были алые, голубые, красные сарафаны, сарафаны широкие, длинные, платки нарядные, вот. И прямо по всей дороге от самого Глухова до конца, в Сарове всё люди встречали. Проезжал царь-то: по эту сторону люди, и по эту сторону люди» (Зап. в 2009 г. в с. Глухово Дивеевского р-на от Юриной Екатерины Ивановны, 1928 г. р.). Воспоминания сохраняют факт некоторого административно-принудительного приукрашивания крестьянской действительности: «Им сначала сказали, чтобы они готовили жалобы, а потом приказали их убрать» (Зап. в 2001 г. в п. Сатис Дивеевского р-на от Кузьмичевой Анастасии Ивановны, 1933 г. р.). Касается это и деревенского быта: «... это бабушки уже рассказывали... Рассказывали, я слышала. Все уж, все выметали, на улице все охоращивали; что есть нарядов — все, все, все развешивали. Все, все украшали — царь едет... Дорогу там ремонтировали, камнем выложена, чтоб была на пригорках-то... Все-все обязывали вывешивать, разукрашивать» (Зап. в 2009 г. в с. Кременки Дивеевского р-на от Ефремовой Анны Александровны, 1940 г. р.). «Единым», как следует из рассказов, был даже внешний вид и подбор одежды участников встречи: «Я говорю, баба Марина, расскажи!... Я, говорит, царя и царицу видала. Сколько было люду со всего света! Ну, тогда даже выбирали, как на выставку, хороших людей, красивых. Моего мужа выбрали, как на выставку» (Зап. в 2002 г. в д. Алексеевка Темниковского р-на Республики Мордовии от Козобарановой Розы Никифоровны, 1931 г. р.); «Моя бабушка была участницей встречи с царем. Ей тогда было 18 лет. Она

была выбрана из села Яковлевка как лучшая девушка. Царь ехал в одной из повозок, которых было много и которые были одинаковыми. Но точно не знали, в какой едет царь. Люди, встречавшие царя, все были в одинаковой одежде, подобраны по росту, цвету волос. Была сделана «арка», украшена цветами. Двенадцать карет проезжало. Все низко кланялись. Получалось красиво, как волной» (Зап. в 2001 г. в с. Прибрежное Первомайского р-на от Акашевой Зинаиды Григорьевны). Память «участников» встречи фиксирует и искусственно вызванное в народе ликование: «Это нам папа рассказывал... А папе было одиннадцать лет, а ему говорят — детей вперед, и говорят — дети, вперед, фуражки бросайте, “ура” кричите» (Зап. в 2009 г. в с. Елизарьево Дивеевского р-на от Коноплевой Анны Трофимовны, 1950 г. р.); «Вот напротив меня старуха жила, она умерла давно, уже старая. Она рассказывала. Царь, да, приезжал... Ну, что она рассказывала... “Мы стояли строем, ...ех, ребятишек выстроили, там называлась Большая дорога. И мы, говорит, все стояли, все выстроились. Он ехал, всем кланялся”» (Зап. в 2009 г. в с. Кременки Дивеевского р-на от Марии, 1933 г. р.).

Впрочем, современные рассказы не содержат негативного отношения к такому рода причислению крестьянского быта, нет, в них зачастую упоминается о том, что простые люди и сами идут на хитрость, чтобы увидеть царя: «Бабушка-то видела. Ей было 8 лет, и... вот в Балыкове они жили, а вот кто приходит к ним на ночлег и вот матери-то говорят: “Тетьнка, дай нам девушку с собой”. Без очереди с детьми пускали. И она говорит — меня все водили во время, когда вскрытие-то было. Так вот, я, говорит, и помню. Да что помню: народу, говорит, много там и вот они приложатся, а ее назад приведут» (Зап. в 2002 г. в с. Глухово Дивеевского р-на от Макуниной Александры Николаевны). И уж, конечно, показательной, хоть и небольшой иллюстрацией народного отношения к приезду Николая II можно назвать следующее уточнение информанта, вызванное детскими впечатлениями от рассказа отца, самолично видевшего царя: «Он <отец —

Ю. Ш.> мне рассказывает, а я реву» (Зап. в 2009 г. в с. Елизарьево Дивеевского р-на от Коноплевой Анны Трофимовны, 1950 г. р.).

Точный, реалистический портрет царя в современных рассказах, представляющих собой «воспоминания по воспоминаниям», отсутствует (как, впрочем, и в фольклоре в целом), он заменяется обобщенными эмоциональными оценками: «Конечно, папка, он небольшой еще был... Эх, говорит, какой! Царь, конечно, царь, а не простой мужик!» (Зап. в 2002 г. в с. Глухово Дивеевского р-на от Осинной Зои Васильевны, 1919 г. р.). Своеобразным атрибутом, как бы замещающим отсутствие в устных рассказах описания внешнего облика царя, становится его повозка, называемая одними рассказчиками тройкой или каретой, а другими — «колесницей» и даже гиперболически — «золотой колесницей»: «он ехал на колеснице с царицей Александрой Федоровной...» (Зап. в 2002 г. в с. Вертяново Дивеевского р-на от Еськиной Марии Ивановны); «Николай, царь, ехал на золотой своей колеснице» (Зап. в 2001 г. в п. Сарма Вознесенского р-на от Аввакумцевой Марьи Ивановны, 1921 г. р.). Атрибутом могут выступать и его явно особенные, в глазах народа, кони: «у царя кони были быстрые, как птицы» (Зап. в 2001 г. в п. Сатис Дивеевского р-на от Кузьмичевой Анастасии Ивановны, 1933 г. р.).

В памяти современных рассказчиков остаются, главным образом, отдельные, значимые для народного восприятия детали поведения царя. Особо отмечается, например, что царь постоянно кланяется народу: «А он едет и кланяется, кланяется, а там ну вся свита его: царица с детьми, там придворные, и сопровождали их казаки, казаки сопровождали, вот... “Это, — говорит, — такое было!”. Он мне рассказывает <отец>, а я реву...» (Зап. в 2009 г. в с. Елизарьево Дивеевского р-на от Коноплевой Анны Трофимовны, 1950 г. р.). Не раз упоминается в рассказах, что царь кидает в народ деньги: «Про царя мне папка рассказывал, он царя видел. Говорил, когда царя везли, дорогу разметали и деньги кидали на дорогу, а мы бегали, собирали, ну, сколько там лет было..., мне папка рассказывал» (Зап. в 2002 г. в с. Глухово

Дивеевского р-на, от Осинной Зои Васильевны, 1919 г. р.); «Он, говорит, кинет, там копейку или две там. “Дяденька, кинь нам это, дай нам копеечку”» (Зап. в 2009 г. в д. Лихачи Дивеевского р-на от Антиповой Марии Алексеевны, 1927 г. р.). Или же добрый царь жалует своим внимание маленькую девочку: «Вот котора тетка моя, монашка, ей было 5 лет, когда царь ехал в Саров через наш монастырь. Народ рука за руку стояли... А ей трибунчик подготовили — сиротские молитвы рассказывала. Весь народ плакал, а царь ее целовал» (Зап. в 2001 г. в д. Вертяново Дивеевского р-на от Захаровой Пелагеи Степановны, 1914 г. р.). Царю представляют и народных умельцев: «А ее отец, бабушкин, он там работал кузнецом, хороший был кузнец, и он там в церквях эти, купола делал... Вот у нас на картинке еето отец с царем стоит» (Зап. в 2002 г. в с. Глухово Дивеевского р-на от Макуниной Александры Николаевны).

Но, безусловно, главной «диковинкой» поведения императора становится раздача медалей: «Царь остался доволен этой встречей — всем дали по медали» (Зап. в 2001 г. в с. Прибрежное Первомайского р-на от Акашевой Зинаиды Григорьевны); «Из Глухова он ехал, и все, народ-то, встретили. И он всех мужиков награждал медалью. Да золотые, говорят, медали! А мой дед приехал из леса, спать завалился и не пошел. И бабушка всю жизнь, как разругается: “Ты царску медаль проспал!”» (Зап. в 2009 г. в с. Суворово Дивеевского р-на от Аникиной Марии Ивановны, 1927 г. р.). Совокупность этих деталей, свойственных, скорее, типичному барскому поведению (кидание в народ мелочи, вежливые поклоны, участливое внимание к отдельным, так скажем, «показным» представителям из народа), в данном контексте, наоборот, создают народный образ щедрого, ласкового, внимательного к простому человеку царя.

В народном восприятии Николай II не лишен и доли идеализации, социальной утопии и предстает перед нами в фольклорном образе справедливого царя, чуткого к нуждам простого человека, решающего земельные трудности крестьян, наказывающего лентяев и поддерживающего трудяг: «Вот спро-

сите у Анны Трофимовны. Это ее отец все рассказывал, как проезжал он нашим селом, царь-то. Как он в церкву заходил и как село обходил: “Это что за дом, маленький, плохой, кто здесь живет?” — “Пьяница”. — “10 розг ему дать за это, чтобы он не пьянствовал. А это что за плохой дом?” — “Это бедные, семья большая”. — “Выстроить им дом”. Это вот старик нам рассказывал» (Зап. в 2002 г. в с. Елизарьево Дивеевского р-на от Коршуновой Елены Михайловны, 1923 г. р.). Или: «А у нас было так... Девушка народится — земли не давали, мальчика народится — ну, саженку, вроде, земли давали. Когда царь ехал на тройке, отец мой под тройку ложился на счет земли. И с этого время нам уж наделили и на парней, и на девушек» (Зап. в 2002 г. в д. Осиновка Дивеевского р-на от Кузнецовой Пелагеи Степановны, 1930 г. р.). Появляется в преданиях даже сказочный образ «полцарства», которые сулит царь простой мордовке за внезапные роды на торжественной встрече царя с народом: «Моя бабушка была там в 1903 г. Она видела, что туда приезжал царь Николай II. Он сидел в карете, всем кланялся. И вдруг заплакал маленький ребенок. Оказалось, что одна мордовка родила прямо при царе. Царь после крещения ребенка обещал дать ему полцарства» (Зап. в 2001 г. в д. Михеевка Ардатовского р-на от Достылевой Клавдии Ивановны). Показательным в плане народной положительной характеристики царя, проявляющего уважение к крестьянскому труду, является и следующий рассказ: «Мордовские холсты — они белые; их ткут, а потом отбеливают на речке. Вот мочишь несколько раз и стелешь на солнышке. На два километра сделали для царя из мордовского холста дорожку, а царь не пошел. Говорит: “Нет, это большие труды!” А народу было со всего света, весь округ...» (Зап. в 2002 г. в д. Алексеевка Темниковского р-на Республики Мордовии от Козобарановой Розы Никифоровны, 1931 г. р.). В редких прямых оценках личности Николая II он противопоставляется своей жене как слабый и добрый человек сильной женщины-иностранке: «Говорят, у него жена-то... Большие правила якобы жена большинство, она нерусская, да? Немка или кто-ли... 111

Он был слабый, ну можно сказать добрый, был он построжее, покруче бы» (Зап. в 2009 г. в с. Вертяново Дивеевского р-на от Надежды, 1935 г. р.). Впрочем, другой рассказ, не имеющий отношения к торжественным дивеевским событиям, но косвенно продолжающий воспоминания местных жителей о царе и его семье, наоборот, показывает императрицу в свете милосердия и доброты: *«А папа, он был... ранен, и их тяжело больных направили в Петроград, и там они лежали в военном госпитале. И царица со своими детками приходила к ним, и за ними ухаживали дети и сама царица. Ухаживали за ними и приносили всякие сладости, пряники. Это вот он хорошо помнил»* (Зап. в 2002 г. в с. Елизарьево Дивеевского р-на от Коноплевой Анны Трофимовны, 1950 г. р.).

Официальная программа торжеств по вскрытию мощей Серафима Саровского составляла лишь посещение царем Сарова и Дивеева, однако устные рассказы детализируют и расширяют этот маршрут. «Географическая» память о приезде императора сохранилась в Дивееве не только в конкретных топонимах (Царская дорога и т. п.), но и в рассказах о нескольких локусах — например, о сохранившихся и поныне холмах, якобы насыпанных солдатами, охранявшими царский кортеж: *«Царь ехал, выдвали. Бабушка рассказывала, ... тут как охраняли его, вот, много только войска было везде... Войско шло, охраняли вот, на Саров, не знай, на вскрытие... Накидывали земли-то три-то бугра, на польце-то вот между Пуховым, Саровым и Иванцем, вот три деревни тут-то. Потом вон там за Суворовым где-то, туды к Сарову тоже гора. И вот сколько лет пашут, и ни тракторами, ничем не растаскивается, так оно и есть холмиком. Земля — это вот каждый солдат по горсти кидал земли, сколько шло»* (Зап. в 2002 г. в с. Глухово Дивеевского р-на от Токаревой Марии Александровны, 1933 г. р.). В действительности 3 дороги от Арзамаса до Сарова, по одной из которых проехал царь, строили насыпными, поэтому в ландшафте местности можно до сих пор увидеть небольшие холмы, уже ставшие частью естественной природной картины этих мест. Однако этот исторический факт осмысля-

ется, как видим из цитируемого рассказа, через традиционный фольклорный сюжет о насыпных холмах (курганах), в нижегородском крае связанный с образом Ивана Грозного, проходившего этими же местами в поход на Казань, а в целом в фольклоре имеющий некую поминальную семантику (о курганах как надмогильных насыпях, например: [Криничная, № 129]). По легенде, проезжал царь и на святой источник села Кремёнки: *«Недалеко от Суворова, Дивеева... есть Царский источник. Почему он получил название Царский. Это недалеко от Суворова и от Дивеево — это необыкновенное место!... Он получил название Царский, потому что в 1903 году святой царь Николай приезжал на поднятие мощей, освящение батюшки Серафима Саровского... И вот святой царь остановился в этом месте и ему поднесли ковши с водой, он сказал: “Нигде такой вкусной воды я не пил”. Вот с этих пор стали этот источник называть Царским»* (Зап. в 2002 г. в с. Суворово Дивеевского р-на от Бехтина Анатолия Федоровича, паломника из Рязани). К осмыслению приезда царя даже подключается традиционный сюжет местного фольклора о наличии между Саровским мужским и Дивеевским женским монастырями подземного хода. В местных легендах он осмыслен в основном негативно (подземный ход существует якобы для тайных встреч монахов с монахинями), в рассказе же о царе он служит еще одной деталью народного осмысления маршрута царского кортежа, возможно, даже придающий факту приезда царя в монастырь некую таинственность: *«Говорят, что он прошел... Есть под землей ход до Дивеевского монастыря. Лесом, говорит, он там проехал»* (Зап. в 2009 г. в с. Кременки Дивеевского р-на от Марии, 1933 г. р.).

В общей массе рассказов положительного и даже идеализирующего характера зафиксирован и редкий сюжет о покушении на царя: *«... Вот там хлебный корпус стоит, да? А там стена, и вот эта стена выломанная, пройдет даже машина, ну я не знаю машина, но лошадь в упряжке с телегой точно пройдет. Царь Николай приехал, а его хотели убить... Мужики его здесь хотели убить. Сделали засаду вот около этого холма*

вот. Ну, вот мост, там за мостом... они его ждали. А он выломал там стену... и уехал» (Зап. в 2009 г. в д. Вергьяново Дивеевского р-на от Надежды, 1935 г. р.); *«Тогда Ольга Сергеевна-то мне говорила, Ларина-то... Она старшой на мельнице там была. Она говорила: тогда была подложена мина, когда царь приехал, ну он этими... — другими воротами проехал, а то бы туда...»* (Зап. в 2002 г. в с. Автодеево Ардатовского р-на от Кулаковой Анастасии, 1913 г. р., монахини Свято-Никольского скита). Как уже говорилось, к приезду царя было подготовлено сразу 3 дороги, и окончательный выбор маршрута держался в тайне; именно это обстоятельство и могло породить слухи о покушении на царя и его спасительном решении ехать *«другими воротами»*. Причины покушения на царя местная фольклорная история не сохранила, но в этом для нас есть некий показательный момент: воспоминания простых крестьян о Николае II лишены оценок его политической деятельности (хотя, возможно, просто за давностью и потому забытостью событий) и в целом носят нейтральный или доброжелательный характер.

В устных рассказах о приезде в Дивеево царя именно он становится центральной фигурой народного внимания и восхищения. Его окружение, его семья в этом отношении оказались за рамками местной устной традиции (лишь в начале разговора на данную тему мы упоминали императрицу, которая *«во сне сбредила»*, и ниже упомянем ее при разговоре о трагических предсказаниях царю). Можно привести лишь один пример — рассказ о смерти некоей женщины из царской «свиты», которую похоронили на Дивеевской земле. Впрочем, история не о ней самой, а о недавнем происшествии с одним местным жителем, в которой явно угадываются фольклорные мотивы рассказов об осквернении могилы: *«Вот в одно время мужчина из Павлова взял ее <плиту с могилы. — Ю. Ш.> на шесток, на печку... Петянька взял... И вот ему, говорит, какие-то чудеса снились..., виделись ли. И он ее, эту плиту, опять назад поставил. Вот чудеса... Лег спать, лег спать, говорит, такой треск, говорит, идет в печке... Он утром встал, выдрал,*

понес, опять положил на место... Как-то Варвара, Федосична что ль она, ехала молиться» (Зап. в 2009 г. в д. Лихачи Дивеевского р-на от Антиповой Марии Алексеевны, 1927 г. р., Антипова Геннадия, 1963 г. р.).

Отдельным разделом рассказов о Николае II в Дивеевском р-не являются рассказы о предсказаниях, полученных здесь царем. Достоверно известно, что Николай II действительно посетил знаменитейшую блаженную Дивеевского монастыря — прозорливую Пашу Саровскую, отличавшуюся особой иносказательной манерой общения с помощью предметов и кукол [Чичагов 2004, 706—718]. Именно она, по легендам, предсказала царю рождение наследника и гибель всей его семьи: *«Прозорливая-то, она ему и сказала, говорит: “Ой, будет у тебя наследник, но, — говорит, — все, все ваше наследство, пропали вы, пропали”»* (Зап. в 2009 г. в д. Маёвка Дивеевского р-на от Архипкиной Марии, 1935 г. р.); *«Вот как она ему сказала, что уйди, уйди с престола. Как она плакала! Молилась на его это... — на его портрет и плакала все время»* (Зап. в 2009 г. в д. Лихачи Дивеевского р-на от Карпушовой Анны Ивановны, 1934 г. р.). Рассказы в разных вариантах отражают не только сам факт пророчества, но и стиль капризного и иносказательного поведения блаженной в присутствии императора или императрицы: *«Все ему Пашенька предсказала. Все она сказала. Не сразу еще она пустила его, да. Потом уж его. А ведь охраняли его казаки, она очень верные, настойчивые. Да, охраняли оне. Она не пускала долго, потом послушницу послала: “Пусть взойдет”. — “Проходите, Ваше Высочество!” — она сказала, а посадила у порога да холстинку дала. А это еще Алексея не было. А она сказала вот, а Алексею на портки дала <отрез. — Ю. Ш.>. Это уж она ему все предсказала, что ему предстояло»* (Зап. в 2002 г. в с. Автодеево Ардатовского р-на от Кулаковой Анастасии, 1913 г. р., монахини Свято-Никольского скита). А в следующем, достаточно драматичном варианте, речь идет уже о неудачном визите императрицы к блаженной, негативном отношении провидицы к царской семье и потому нежелании общаться с ней: *«И не допустила к себе*

Паша Саровская: она вроде как бы предсказывала судьбу... И вот она эту царичу, можно сказать, не допустила даже до своего крыльца: "Уходите, уходите, уходите, на вас кровь, вы все красные, вы мне не нужны". И выгнала ее. И она со слезами ушла к Николаю своему Второму» (Зап. в 2001 г. в с. Дивеево от Сухорукова Константина Ивановича, 1928 г. р.). Общение императора с блаженной может даже осмысляться в народе не как однократная встреча, а как переписка: *«Он с Пашей-то переписывался»* (Зап. в 2001 г. в п. Сатис Дивеевского р-на от Кузьмичевой Анастасии Ивановны, 1933 г. р.). Уже с начала XX в. знаменательная встреча царя и блаженной становится достоянием не только народных рассказов, но и частью официального дивеевского церковного предания.

Но есть и еще один таинственный эпизод, связанный с пребыванием императора на Дивеевской земле: по легенде, в Дивеево ему передают письмо Серафима Саровского (напомним, Серафим Саровский умер в 1833 г.), в котором тот якобы предсказывал последнему российскому царю кровавые события 1917—1918 гг. Эта легенда в разных вариантах также находит отражение и в современной устной традиции. По одной версии, письмо хранится до поры до времени в монастыре: *«Царю Николаю II предсказал. Написал и привез в монастырь такой свиток и сказал: "Не трогайте! Когда придет царь Николай II, тогда ему и отдадите"». Когда приехал царь Николай II на вскрытие мощей, ему там отдали этот свиток, он прочитал, что ему предсказано — что нападут разбойники, убьют всю семью, расстреляют. И он оттуда вышел с поникшей головою. И правда — все по его, что писал: его же расстреляли и всю семью»* (Зап. в 2002 г. в с. Дивеево от Трифионовой Елены Федоровны, 1922 г. р.). По другой версии, письмо Николаю II передает некая монашка: *«...Монашке написал письмо и отдал: "Когда придет меня вскрывать царь, это письмо ему отдашь". И вот он тогда от престола отказался, после Преподобного письма»* (Зап. в 2002 г. в с. Суворово Дивеевского р-на от Аникиной Марии Ивановны, 1927 г. р.). Или же письмо отдает царю монахи-

ня Полония: *«Мне вот монашенки-ти рассказывали — преподобная Серафима. Когда Николай приехал на вскрытие, а у одной монашенки, у Груши, была матушка Полония старшой тута, она все мне и рассказывала. Мне в малютках-ти гоже мне было, поведут нас, а мне матушка Полония всёго-всёго надает... И вот он написал летопись что ли, да монашкам-ти передал, и вот к нему в Саров монашки-ти ходили. И вот царь придет, и вы царю все это отдадите. Она ему все предсказала: когда его с престола съмут, какая ему смерть будет — все до грамма вот. Когда он приехал коронить, прославлять мошши Преподобного, и ему там сказали, что вот ты заедешь сюда-то, вот к таким-то таким-то, там тебе что-то Преподобный написал. Он заехал, и вот это ему матушка Полония дала, вексиль-ту, это вот мне все Грушенька рассказывала. Он там чуть со стула не упал — так испугалси! Говорит, всю ночь не спал, и сразу заказал сделать где-то Парамоновы ворота¹, и в Парамоновы ворота уехал, а где они — я не знаю...»* (Зап. в 2001 г. в д. Вертьяново Дивеевского р-на от Кузьяевой Анны, 1916 г. р.).

По официальной версии (и она также нашла отражение в устной традиции), царю передает письмо Елена Мотовилова — жена помещика Н. А. Мотовилова, собеседника Серафима Саровского (известны беседы Серафима и Н. А. Мотовилова по различным вопросам веры и о будущем Дивеевской обители, см.: [Мотовилов 1999, 88—117]) и благодетеля Дивеевского монастыря при жизни и после смерти старца: *«Мои бабушки, обе бабушки были — бабушка Анастасия и бабушка Ксения. Ну, рассказывали нам: «Нам бы земные поклоны надо делать <при встрече царя. — Ю. Ш.>, а мы говорим: если нам земные поклоны делать, мы ничего не увидим. А нам разрешили поясные поклоны. Мы видели. Когда он <царь. — Ю. Ш.> приехал, и спросил: "А может, кто дожил, кто у батюшки был <у Серафима Саровского — Ю. Ш.>? Еще в живых кто есть?" Ну, ему вот сказали на Елену Мотовилкову...»*

¹ К сожалению, мы пока не можем объяснить факт укорененности или случайности этого названия в устной местной традиции и его семантику.

Коли она была небольшая, он <Серафим Саровский. — Ю. Ш.> ей дал рукодамно: “И вот храни, никому его не доверяй, не кажи, не раскрывай. Вот когда Государь придет, ты своими руками ему отдай”. А она говорит, Елена Мотовилова, — это еще пишет в летописи: “Где же я, батюшка, его увижу?” — “Увидишь, увидишь, придет время”. — “Да, батюшка, я не увижу”. — “Увидишь”. И вот она хранила. Когда он приехал и спросил: “А может, есть еще кто живой, кто был у батюшки?”. Ему показали вот на Елену Мотовилу. Вот она ему своими руками вручила. То, что там было, это только самые близкие знали» (Зап. в 2002 г. в с. Автодеево Ардатовского р-на от Кулаковой Анастасии, 1913 г. р., монахини Свято-Никольского скита). Этот рассказ в общих чертах действительно передает события, описанные в воспоминаниях дивеевской схимонахини Серафима (Булгаковой): Е. Мотовилова передает императору письмо старца Серафима, запечатанное мягким хлебом, прочитав которое в своих гостиничных покоях, Николай II заплакал, но содержание письма никому не разгласил [Серафима (Булгакова) 1991, 29]. Заметим, что эпизод с серафимовым письмом в настоящее время признается современными исследователями истории Дивеевского монастыря явным мифом, а само письмо — фальсификатом [Мавлиханова 2003, 65]. Впрочем, этот доживший до нашего времени миф, отразившийся и в памяти местного населения, во многом положительно играет и на славу Дивеевского монастыря, и на образ провидца и пророка Серафима Саровского.

Своеобразным драматическим продолжением темы трагедии царской семьи становятся редчайшие в совокупности дивеевских нарративов о Николае II рассказы, отражающие общеизвестные и дошедшие до нижегородских окраин утопические слухи о спасении царской семьи или о якобы спасшейся дочери Николая II. Так, в следующем трогательном рассказе вырисовывается образ несчастной, гонимой царской семьи, на «салазочках», в бурю уезжающей в неизвестность: «Она <монахиня Серафима из закрытого Дивеевского монастыря. — Ю. Ш.> рассказывала,

что здесь был царь с четырьмя дочерьми. <А что она рассказывала про царя?> Когда они пришли, Серафима вышла и сказала: “Уходи, а то тебя возьмут”. А он заплакал и говорит: “Лучше бы мне не родиться на свете”. Взяли салазочки и уехали. Ночью буря была такая, а он пошел... Он был у нее, когда уже скрывался в революцию. А куда они потом пошли, не знаю» (Зап. в 2001 г. в д. Старая Куриха Ардатовского р-на от Кужендеева Михаила Сергеевича, 1940 г. р.)

Что касается текстов о спасшейся царской дочери, то они достаточно вариативны. В одном из рассказов дочь царя предстает в образе скромной и тихой монахини: «...К нам монашки ходили, а тут вот запрет был, они потихоньку — одна ходила так низенько, хорошенькая, все говорили — царская дочь. Я не знаю. Она придет все тихонько, Дашей себя назвала. А у него Дашей не звали там. Это Даша вроде бы. И кто что скажет про царя, нет-нет-нет, сразу исчезнет, уходит. А приходила, у меня вот куклу сшила хорошую, тряпочную, эта Даша; чтобы никто ее не видал, никто не знал, что я у вас была... Я там играла в куклу, у меня мама даже продала потом одну за 7 рублей, другую за 8... Говорили, что она царева дочь, а Бог ее знает...» (Зап. в 2009 г. в с. Верякуши Дивеевского р-на от Калягиной Антонины, 1926 г. р.). В другой истории царская дочь — чудом спасшаяся от расстрела уже «солидная женщина», забредшая в своих странствиях на дивеевскую землю: «...Его же расстреляли, и всю семью. Одна только дочь где-то была, и она ходила потом везде, даже в нашей деревне была. И говорила: “Я старшая дочь царя Николая, меня не было дома”. <А как звали эту старшую дочь?> Я уже забыла. Она нам говорила. Красивая такая, солидная женщина... Ехал один, тоже верующий мужчина, и она шла. Он ее на дороге, говорит: “Куда же вы?” — “А я, — говорит, — сама не знаю”. — “Как это не знаешь? Вы куда вот идете?” — “Сама не знаю”. — “А вы кто?” — “Да кто, кто”. Заплакала, говорит: “Ну, кто? Я тебе, может, расскажу, а ты меня тоже расстреляешь”. — “Да что, как я, за что я тебя расстреляю?” — “Да за что моего отца, мать, всю семью расстреляли?...” Ну он ей: “Садись на лошадку!” — “А ты куда 115

едешь?» — «Я домой еду, возил в Арзамас кого-то». Ну и вот, пока сидели, она и разговорилась: я вот кто. «Меня дома не было, моя семья расстреляна, может, найдешь, у вдовы какой я переночую?» — «А потом?» — «А потом куда-нибудь пойду искать добрых людей, кто призрит меня». Недалеко от нас вдова жила, с троими детьми, а я у них находилась. Такая красивая ночевала. Хозяйка говорит: «Не знаю, правда, не знаю, нет. Сейчас много их, пожалуй, и наврут». Ничего не взяла, ночевала и ушла, куда — не знают. А мужчина — дядя Валя его звали — его уж нет... <Так это была дочка Николая II?> Говорят, она так сказала. Когда захватили коммунисты их, расстреливали всю семью, а ее дома не было. А где она была, уж я не знаю... Вот такая солидная, красивая, не грязная, чистая, но не роскошная. Небогато одета, как и все мы. Может, она переделалась, чтобы ее не узнали.. <А никто уже не знает, что с ней стало?> Не знает, конечно...» (Зап. в 2002 г. в с. Дивеево от Трифионовой Елены Федоровны, 1922 г. р.). Случайное, а потому чудесное спасение от неминуемой гибели, жизнь в нужде и скитаниях, бедная одежда, общение с народом, но при этом боязнь узнавания и огласки — традиционные мотивы социально-утопических легенд о самозванцах и идеальных царях, описанные еще К. В. Чистовым [Чистов 1967, 212], и в данном случае играющие на раскрытие темы спасенных царских детей.

Но еще более невероятным и фантастичным выглядит еще один рассказ о «царевой дочери» — некоей Павле, местной прозорливой блаженной, которую одна наша пожилая рассказчица, будучи еще ребенком, встретила в Сарове во время паломничества туда на святой источник: «Она убогая от рождения была. А потом уж мы узнали, что она царева дочь неродная была. Царева жена, когда он ее посватал, а у ней ребенок убогий. Она жила не в своей семье. Они ее и сдали в приют, эту девочку. Она в приюте жила. Он не знал ничего — она знала. А когда она приехала, она и рассказала, что их Бог разделил, такую жизнь послал из-за меня, потому что они отказались от меня. А она говорит: «Я царевой жене родная дочь». Только каким образом, я не знаю. Вот что значит — Господь урод-

ливому человеку послал блаженство. Мы после узнали, что к ней народу ходит, все спросят — все сбывалось. Кто что спросит — все верили. Вот она узнала мою судьбу, что я буду замужем» (Зап. в 2002 г. в с. Дивеево от Назаровой Сепфоры Степановны, 1929 г. р.). В этом рассказе, привлекающим, безусловно, жалостливым образом незаконнорожденной, ущербной от рождения и потому никому не нужной «царевой дочери» уже появляется новый аспект социально-утопической темы: трагический финал последней царской семьи осмыслен как божья кара за личные прегрешения царской четы, а значит и смерть законных дочерей — как следствие пренебрежительного отношения к неудочеренной незаконной дочери.

Образ Николая II связывается еще с одной важной и традиционной для дивеевского религиозного фольклора темой — темой запутанной и драматичной судьбы серафимовых мошей. Торжественно вскрытые и прославленные при Николае II в 1903 г., в 1927 г. они вскрываются уже с иными целями: саркофаг и гроб, где они покоились, сжигают, а мощи грузят на сани, с которых они таинственно исчезают [Серафима (Булгакова) 1991, 31]. В разнообразных и многочисленных местных устных рассказах есть немало версий случившегося: мощи сами мистически «уходят» с повозки, во время стоянки у подвыпивших сопровождающих их крадут монашки и тайно хоронят возле одного из монастырских соборов, мощи хранятся в доме у «одной женщины», их вывозят в Киев, Москву и даже Царьград (подробнее: [Шеваренкова 2010, 11–13]). Но, по одной версии, именно царь и забирает мощи с собой: «...Его, когда это, царь ища приехал, забрал его мощи в Ленинград. Забрал его, а там, в Ленинграде, ...видимо, революция или чего, их вот, война-то была, это. И они там были где-то завалены в подвале...» (Зап. в 2003 г. в Дивеевском р-не от неизвестного); «А вскрыл его тогда царь. И вот он дал приказ, чтобы его взяли в Москву, из Дивеево-то. А куда украли, кто — никто не знал» (Зап. в 2003 г. в с. Дивеево от Е. В. Трифионовой).

«Царская» тема на Дивеевской земле представлена и еще одним топонимом

мом — Царский скит (слышали мы и название «Царский хутор»²), хотя прямого отношения ни он сам, ни его появление в этих краях к приезду Николая II не имеют. Царский скит — достаточно глухое и заброшенное в советское время лесное местечко в граничащем с Дивеевским Первомайском р-не Нижегородской обл., где до революции была монашеская община. Знаменит этот скит тем, что недалеко от него находятся несколько святых камней Серафима Саровского. А вот в преданиях и легендах история названия и жизни Царского скита практически не отразилась. Очень редко можно встретить лишь такие краткие пояснения, как: «*была царская дача тут*» (Зап. в 2001 г. в с. Прибрежное Первомайского р-на от Балтиной Марии Николаевны), «*цари заезжали туда: там тако хорошее место, и цари заезжали туда только отдохнуть*» (Зап. в 2001 г. в д. Кошелиха Первомайского р-на от Тришиной Марии Петровны, 1931 г. р.); «*вся царская кровь* <семья. — Ю. Ш.> *там была*» (Зап. в 2001 г. в с. Выездное Арзамасского р-на от монахини Елизаветы); «*его называли Царский скит, так как монахи жили на обеспечении царя и вязали ему кружево*» (Зап. в 2001 г. в д. Кошелиха Первомайского р-на от Инны, приезжей из Москвы). В этих репликах название и отчасти история скита обобщенно связывается с абстрактными и собирательными «царь», «цари», а не с конкретным представителем царской династии. Вот более развернутый топонимический комментарий, где название скита уже имеет некую привязку к приезду в здешние края Николая II: «*Монастырь, вернее, скит, назывался Царским. Бабушка моя рассказывала, что раньше здесь находились монахини из окружения царя. Когда они делались ветхими, старыми, они уходили в монастырь. Земля здесь благодатная, здесь святые места, связанные с Серафимом Саровским, и они все желали быть здесь. Здесь очень дисциплинированный был монастырь. Был монастырь и в Дивеево. У бабушки отец работал конюхом в Дивеево. Ему*

² Зап. в 2002 г. в с. Елизарьево Дивеевского р. от Коноплевой Анны Кузьминичны, 1913 г. р.

не нравилось там поведение монашек. В Царском Скиту поведение монашек было очень хорошим. Они были старыми, молились очень усердно. У моей бабушки мама предпочитала приходить сюда. <Как возник монастырь?> Говорили, что, когда было вскрытие мощей, это место понравилось царю, в этих местах они проезжали. Так предполагают» (Зап. в 2001 г. в с. Прибрежное Первомайского р-на от Акашевой Зинаиды Григорьевны). Этимология названия скита может даже и не связываться с личностью царя, а восходить к имени Серафима Саровского. В Дивеевском районе и смежных с ним районах (Вознесенском, Первомайском) — территории, изобилующей почитаемыми в народе природными святынями (источниками, камнями, деревьями), — большинство этих святынь номинативно или генетически привязано к образу Серафима, его деятельности в этих краях или к его посмертным чудесам. Ту же картину наблюдаем мы и в следующей пояснительной реплике информанта: «*где он молился, там Царский скит у него и камень большой*» (Зап. в 2001 г. в с. Дивеево от Саксоновой Галины Алексеевны). Таким образом, Царский скит осознается как причастный именно к Серафиму Саровскому, а не Николаю II, царской семье или царскому двору в целом.

Необходимо осветить еще один раздел «царской темы» в фольклоре Дивеевского р-на. В с. Дивеево, рядом со знаменитой Святой Канавкой, вырытой по указанию Серафима Саровского дивеевскими монахинями, можно увидеть сейчас достаточно старое дерево, называемое здесь Царской лиственницей. По нашим наблюдениям, ее культ начал складываться (возможно, все же возобновляться, поскольку монастырь был закрыт с 1927 по 1991 г.) в 90-х гг. XX в., которые являются знаковыми не только для истории самого Дивеевского монастыря. В это десятилетие начинается его возрождение, а для российского православного сообщества это время характеризуется активным формированием «монархической утопии в том виде, в каком она существует в представлениях части современных «церковных людей» [Ахметова 2010, 245].

Впрочем, только узнав в ходе экспедиции 1998 г. о существовании Царской лиственницы, которая благоухала и кровоточила, мы услышали также, что она недавно была спилена, т. к. в силу немалого возраста представляла собой угрозу жизни посещающих Канавку верующих. В ходе последующих экспедиций выяснилось, что дерево живо до сих пор и также продолжает кровоточить: *«Там даже кровь иногда выходит. Вот только я не помню, в какой день. В день, когда, наверное, убили его <царевича Алексея. — Ю. Ш.>... Да я видел, я сам лично ходил...»* (Зап. в 2009 г. в д. Лихачи Дивеевского р-на от Антипова Геннадия, 1963 г. р.). Возможно, такая путаница с фактом бытия/небытия дерева обусловлена тем, что среди самих местных жителей (а именно от них записан нами основной корпус текстов о реальной и чудесной истории Дивеевского монастыря и его святынь) оно было известно мало и в культовом отношении никак себя не проявляло (мы слышали также и о Дереве Всех Святых, дереве Богородицы на Канавке, но объяснить и показать местонахождение их на Канавке нам никто не мог). По разным легендам, лиственница была посажена монахинями в честь рождения царевича Алексея в 1904 г. или же самим Николаем II при приезде сюда в 1903 г.: *«там царь Николай...это...его сажал»* (Зап. в 2009 г. в д. Маёвка Дивеевского р-на от Архипкиной Марии, 1935 г. р.).

В настоящее время мы можем с уверенностью говорить о разнице в восприятии Царской лиственницы местными жителями и отдельными категориями паломников. В разговорах с коренными жителями она упоминается редко (да и только после наводящих вопросов), не окружена особым культовым отношением и ареолом чудесности. Сами дивеевцы замечают, что это дерево почитается именно в среде паломников: *«а потом ее загородили, <потому что. — Ю. Ш.> приезжие стали кору обдирать»* (Зап. в 2009 г. в д. Лихачи Дивеевского р-на от Антипова Геннадия, 1963 г. р.). Но эта же лиственница, увешанная сейчас фотографиями царской семьи, организует вокруг себя круг если не православных монархистов, то, по меньшей

мере, страстных почитателей убиенной царской семьи. И тут мы наталкиваемся еще на одну интересную тему и волей-неволей от традиционных исторических *местных* рассказов, от фольклоризованного образа Николая II, от «царской темы» в *местном* фольклоре переходим к проблеме современного восприятия личности Николая II в обществе в целом и в православной среде в частности. Приведем рассказ одного дивеевского паломника, чело- века образованного и явного почитателя личности царя, ставшего в 2000 г. очевидцем необычного природного явления во время церковной службы в Дивееве (мы сократили в тексте некоторые подробности в описании грозы): *«Я вот сейчас расскажу, что мы видели 2 года тому назад. Это было как раз перед прославлением Святых Царственных Мучеников. 12 часов дня, 1 августа, служит сам патриарх в Троицком соборе... И вдруг мы видим: со стороны колокольни надвигается чернота, чернота, чернота, идет, идет... Мы в начале не обратили внимания, но вдруг эта чернота накрывает колокольню, накрывает Троицкий храм, наступила тьма кро- мешная, вы понимаете, в 12 часов дня — ночь, ночь! И вдруг гром зазвенел, молния засверкала, и пошел такой ливень, что буквально за 10 минут вода до щиколоток уже доходила. Всех охватила паника, все бросились бежать... И вот из нашей паломнической группы осталось шесть человек... Кстати, за этой группой стояла сестра Анна — Жанна Бичевская со своим мужем, наша сестра Анна, которую мы любим и между собой называем “современная Жанна Д’Арк”, ибо она несет рыцарский подвиг, она прославляет царя и нас вдохновляет, говорит: “Не бойтесь! За мной!”, как в свое время Орлеанская девственница. Рыцари разбежались, а она взяла стяг, одела доспехи, и рыцари пошли за ней и отстояли Францию. Кстати, Жанне Бичевской, сестре Анне, казаки недавно присвоили чин есаула... И вдруг над Троицким храмом блеснул луч, и этот луч стал рас- секать тучи вокруг. И рассказывают: сначала мать увидела над храмом Пресвятую Богородицу с омофором в руках, рядом 12 апостолов, а над головой — голубь, от которого пошел свет. И сра-*

зу темнота рассеялась, чернота исчезла, и вода на площади высохла, как будто ничего и не было, и закончилось это видение Пресвятой Богородицы видением царя Николая. Его долго не прославляли, и после этого явления Синод и прославил святых царственных мучеников. Это мы сами видели два года тому назад...» (Зап. в 2002 г. в с. Суворово Дивеевского р-на от Бехтерева Анатолия Федоровича, паломника из Рязани). Для нас этот рассказ (кстати, видеозапись ливня в Дивееве представлена на сайте А. В. Кураева: www.kuraev.ru) интересен не только ярким описанием небывало сильной грозы и ливня, ибо в экспедициях последнего времени мы фиксируем немало подобных рассказов о разного рода необычных природных явлениях в Дивееве — двойных радугах, явлениях в небе над монастырем ангелов и т. д. Он аккумулирует в себе уже настроения и чаяния иной среды: не спокойно настроенного местного крестьянства с их простотой веры и рассказов, а среды современных экзальтированных православных монархистов, в философии которых заново возрождается триада «Бог — Царь — Отечество». Мистическому осмыслению в рассказе подвергается фигура певицы Жанны Бичевской, творчество которой изобилует песнями патристической, историко-софской и православной³ тематики. Восторженные почитатели и сторонники ее поэтической идеологии и саму ее личность осмысливают мистически как своеобразного воина за царя и Отечество, некоего мессию, предназначение которого — напомнить современникам о страстотерпце-царе (об образе царя-жертвы, царя-мученика в осмыслении постреволюционного общества и современной «прицерковной среды» см. подробнее [Тарабукина 1999, 5—6]). Поскольку же сама Ж. Бичевская является почитательницей Серафима Саровского, то вполне закономерно, что от-

³ Можно, к примеру, привести такие поэтические строки:

*Новые скорби и новые беды
Шлет сатана Православной Руси.
Царь — наше знамя грядущей победы,
Царь — наше чаяние на Небеси!*

(Отрывок из песни «Царь Николай» из одноименного альбома певицы).

голоски этих настроений мы и слышим в Дивееве. Кроме того, наш рассказчик напрямую связывает необычное местное небесное явление с официальным прославлением царской семьи (2000 г.). В своем подробном монографическом исследовании умонастроений и эсхатологических представлений современной «прихрамовой» среды М. В. Ахметова подробно останавливается на монархическом мифе, возникшем в этой среде в 90-е гг. XX в. [Ахметова, 245—260], и на понимании этой частью православного сообщества образа последнего российского императора как жертвы и «возвращающегося избавителя, поскольку речь идет о возвращении монархического устройства правления, воплощающего утраченную гармонию» [Там же, 251]. Богатым материалом для исследования М. В. Ахметовой послужили, по большей части, именно записи бесед с «прихрамовыми» людьми, осуществленные в Дивееве, а органичной частью мифа о неизбежном восстановлении монархии и продолжении династии Романовых становится утверждение о коронации будущего царя в Дивееве и узнавании (признании) его Серафимом Саровским (в интерпретации прицерковников — Царёвским) [Там же, 254]. Таким образом, мы видим, что и спустя столетие три имени — Дивеево, Серафим Саровский и Николай II — опять стоят рядом. Впрочем, здесь мы выходим уже на совсем другую тему и на иную социальную и культурную среду...

Такова уже более чем столетняя история народного, *крестьянского* осмысления имени Николая II на Дивеевской земле. Его визит в Саров и Дивеево, несмотря на свою краткость, оставил яркий след в народной памяти и *локальной устной истории*. Мы сакцентировали внимание на рассказах *коренных местных жителей*, оставив за рамками исследования фольклор православных туристов и «церковных людей». Эти рассказы, лишённые политических оценок, православной патетики, эсхатологических ожиданий, сожалений по поводу утраченной монархии и утопических чаяний по поводу ее возрождения, а также, в силу удаленности от реальных событий, 119

и эмоциональной составляющей, во многом представляют собой наложенные реальные исторических фактов на известные и традиционные фольклорные сюжеты и мотивы.

Литература

Ахметова 2010 — *Ахметова М. В.* Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М., 2010.

Карпушов 2003 — *Карпушов В. И.* Православное Дивеево. Арзамас, 2003.

Криничная 1991 — *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Мавлиханова 2003 — *Мавлиханова Е. А.* Императорская семья на прославлении старца Серафима Саровского // V Саровская историческая конференция, посвященная 100-летию канонизации Преподобного Серафима Саровского. Тезисы докладов. Саров, 2003. С. 61—65.

Мотовилов 1999 — «О цели христианской жизни». Беседа Преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым // Н. А. Мотовилов и Дивеевская обитель. Нижний Новгород, 1999.

Серафима (Булгакова) 1991 — *Серафима (Булгакова).* Дивеевские предания. Издательская группа Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря. Б/г (предположительно, 1991).

Тарабукина 1999 — *Тарабукина А. В.* Фольклор и духовная культура «церковных людей» (опыт исследования современного фольклора). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.

Чистов 1967 — *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967.

Чичагов 2004 — *Чичагов С.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Нижний Новгород, 2004.

Шеваренкова 2010 — *Шеваренкова Ю. М.* Современные рассказы о тайне мощей Серафима Саровского // Живая старина. 2010, № 4. С. 11—13.

Summary. *The article deals with traditional oral narratives about Nicholas II, collected in the southern part of N. Novgorod region, the folk interpretation of the Russian tsar in historical, spiritual and utopian legends and its reflection in the traditional toponymy. The research has been carried out in the framework of the study of the historical memory of the local people.*

Key words: *folklore, local tradition, historical memory, oral narratives, traditional toponymy, plot, interpretation.*

Н. А. КРИНИЧНАЯ
(Петрозаводск)

ГОРА: ПРИРОДНО- ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ В СВЕТЕ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

(по материалам севернорусских
мифологических рассказов)

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме космоизации пространства, одной из составляющих которого является гора либо приравненная к ней возвышенность. Причем данный природно-экзистенциальный объект одушевляется и антропоморфизуется. Тем самым образ горы, представленный в мифологической традиции, восходит к антропоморфной модели Вселенной.

Ключевые слова: природный объект, ландшафт, модель Вселенной, антропоморфизация, мифологическая традиция, трансформация, переосмысление.

В топографической системе координат окружающего ландшафта заметное место принадлежит горе, т. е. значительной возвышенности, поднимающейся над местностью или выделяющейся среди других возвышенностей. В севернорусской традиции, языковой и фольклорной, это понятие приобретает расширительное значение: «У нас нет того, как в книгах читаем: холм, возвышенности; всё гора да гора, маленькая гора, большая гора» [СРГКиСО 1994, 365]. Для выражения синкретизма представлений об этих топосах в диалектной речи используются слова *кряж*, что означает «возвышенное место, гора, холм», либо *угор* (однокоренное с *гора*), т. е. «возвышенность, холм».

Фиксируемая с XI в. лексема *гора*, помимо основного, имеет значения 'верх', 'вершина', 'высота', что выявляется, в частности, на основе данных древнерусского и древнеиндийского языков [Черных 1993, 203]. Соответствуя вертикальной модели мироздания, гора противопоставлена долу по принципу: верх — низ, возвышенность — низменность, выступ — впадина. «*Верх — низ,*